

этап — создание универсальной обобщенной компонентной структуры семантического поля в целом. Абстрагированная от реальных семантических признаков модель-2 не объясняет функционирование отдельной лексемы, не касается синтактики, но позволяет выяснить особенности семантической топологии каждой единицы семантического поля и топологию семантического поля в лексико-семантической системе. Конечным результатом анализа должно стать формализованное представление общей структуры семантических полей в их взаимообусловленности. Методы осуществления обоих этапов исследования могут быть различны. Ниже предлагается одна из конкретных методик.

После проведения свободного ассоциативного эксперимента с глаголом «говорить» анализировались реакции, нарушающие наиболее частотную лексическую сочетаемость: говорить слова (ср.: произносить, выговаривать); говорить текст (ср.: произносить, проговаривать); говорить сказку (ср.: рассказывать); говорить урок (ср.: отвечать, проговаривать); говорить стихи (ср.: читать, рассказывать, декламировать); говорить адрес (ср.: называть, сообщать адрес); говорить рассказ (ср.: рассказывать); говорить предложение (ср.: произнести — делать — предлагать). Субстантивные реакции ассоциативного эксперимента, нарушающие привычную лексическую сочетаемость, в свою очередь, являются стимулами для семантически «безукоризненных» с точки зрения носителя языка глагольных реакций с общей семой «говорить» (назовем их Р-2). Затем выявляется компонентная структура Р-2 в результате анализа данных второго ассоциативного эксперимента и/или словарных данных, и/или прямого анкетирования носителей языка.

В конечном итоге, исходя из основной функции языка, цели акта общения, зафиксированной в семантике глаголов речи, можно гипотетически построить схему семантической цепи глаголов речи. Каждый узел схемы предполагает наличие у глагола речи доминирующей обобщенной семы или комплекса таких сем (последнее не исключает иерархию семантических компонентов глаголов речи в отличие от глаголов шума). В основе цепи лежат отношения гипонимии/гиперонимии в самом общем смысле, так как в эти отношения в данном случае включаются и причинно-следственные связи, например: информация недостоверна — адресат \neq субъекту; информация достоверна — а) адресат \neq субъекту, б) адресат = субъекту.

Л. Р. СУПРУН-БЕЛЕВИЧ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРАСЛАВЯНСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Основа современной славянской метеорологической лексики сложилась в праславянскую эпоху. Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить в современных славянских языках лексемы, принадлежащие праславянскому фонду. Для реконструкции всей микросистемы метеорологической лексики кроме языковых данных необходимо привлечение материалов экстралингвистического характера.

Оценка сил природы находилась в полной зависимости от характера их воздействия на жизнь человека. Погодные явления, наносящие ущерб хозяйству и представляющие угрозу жизни человека, связывались с действием темных, демонических сил. Например, буря в понимании древнего человека — буйное веселье чертей и ведьм. Явления природы, способствующие росту урожая, благоприятные для различных видов деятельности человека, считались результатом действия светлых сил. Долгожданный теплый дождь, например, представлялся материнским молоком, принимая которое, земля пробуждалась после зимнего сна. Некоторые явления, не оказывая непосредственного воздействия на жизнедеятельность человека, тем не менее привлекали внимание его своей яркостью (радуга — божий пояс, головная повязка, кольцо, мост, коромысло), необыч-

ными сочетаниями (дождь при солнце — слезы божества, свадьба солнца и дождя).

В народном творчестве, связанном с воззрениями древних на погоду, нашла отражение извечная борьба темных и светлых сил. Например, чтобы послать на землю дождь, бог-громовержец должен сразиться в страшном бою с демонами туч (гроза).

Каждое явление погоды воспринималось человеком либо как дар, либо как наказание небесного божества. Примером этому может послужить, с одной стороны, наличие мотива задабривания неба в обрядах вызывания дождя, с другой стороны, белорусская легенда о Перуне, наказывающем молнией и громом тех, кто творит несправедливость на земле.

Сопоставительное исследование славянской метеорологической лексики в тесной связи с изучением мифологии древних славян позволяет сделать некоторые выводы:

1. Микросистема праславянской метеорологической лексики включает в себя следующие лексемы: *vedro, *dъzdъ, *sněgъ, *gradъ, *rosa, *jъpъjъ, *mъgla, *tokja, *obvolkъ, *vętrъ, *vixгъ, *burja, *znojъ, *morzъ, *holdъ, *studja, *suxja, *bliskavica, *mъlni, *громъ. В современной славянской погодной лексике значительное место занимают праславянские корни, получившие различное оформление в разных славянских языках: *met-, *vi-, *li-, *jug- и др.

2. Погодные явления становились понятными человеку при соотношении их с повседневными событиями. Поэтому наименования многих явлений носили метафорический характер. Позднее метафоры, утратив свой поэтический смысл, стали восприниматься как простые непереносные названия. Для реконструкции праславянской лексики поэтому очень важен мифологический аспект.

Я. Л. ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУКОПИСНОЙ РАБОТЕ НА РУСИ В XVI—XVII ВЕКАХ

В XVI веке под влиянием религиозно-политической концепции «Москва — третий Рим» русские книжники с особой остротой осознали ответственность за византийское и южнославянское наследие и делали все, «чтобы свеча не погасла». Одной из основных в рукописной работе русских книжников XVI века становится проблема закрепления, упорядочения, систематизации и распространения обширного рукописного богатства, накопленного к тому времени культурой. Происходит массовое накопление списков, в особенности богослужебных и богословских книг, необходимых для удовлетворения практических нужд церкви. Причем эта работа в иерархии культурных ценностей стояла ничуть не ниже, чем создание новых произведений. Показательно, что рост библиотек в XVI веке происходил главным образом за счет умножения списков произведений, уже имевшихся в собраниях.

В Ленинградском отделении Архива АН СССР (фонд 109, оп. 1, № 21) хранится черновой вариант каталога славянских библейских рукописей XI—XVII веков, составленного И. Е. Евсеевым незадолго до 1917 года. Каталог включает в себя краткое описание 4101 рукописи. Хронологический анализ показывает, что подавляющее большинство богослужебных текстов (цветная и постная триодь, служебная псалтырь, месячные и общие минеи и т. д.) относится к XVI веку. Тенденция к закреплению существующего в книжности, к увеличению потенциала культуры за счет систематизации рукописного материала ярко проявилась в создании в XVI веке крупных обобщающих произведений компилятивного характера. Это, в первую очередь, Великие Четьи-Минеи митрополита Макария, Лицевой летописный свод, Азбуковник. Эта тенденция наблюдается и в работе Максима Грека над переводом Толковой псалтыри, и в серии общерусских канонизаций некогда местных святых в 1547 и 1549 годах.